

Заамурцы в обороне Порт-Артура

Олег Вячеславович Чистяков,

кандидат исторических наук, начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного военно-исторического архива, г. Долгопрудный.

E-mail: warius1914@yandex.ru

Представленное ниже описание действий частей Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, находившихся в крепости Порт-Артур во время её героической обороны, составлено для Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны, которая была образована 16 сентября 1906 г. при Главном управлении Генерального штаба для составления и издания исторического описания прошедшего конфликта. После завершения своей работы Комиссия была ликвидирована 15 декабря 1910 г. Все архивные дела, собранные ею, переданы в Военно-учёный архив. В 1925 г. все коллекции Военно-учёного архива были переданы в Военно-исторический архив РСФСР (ныне — Российский государственный военно-исторический архив), где данное описание хранится и сегодня*. К сожалению, подпись автора документа неразборчива, но есть основания полагать, что им является ротмистр Отдельного корпуса пограничной стражи С.С. Гальнский¹. Документ представляет собой 88 листов машинописного текста с небольшими рукописными вставками. Всё переплетено в отдельное дело, в котором имеется заверительная надпись делопроизводителя и заведующего архивом Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны подполковника К.К. Агафонова². Текст документа приведён в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации; очевидные опечатки исправлены; некоторые из особенностей пунктуации, а также все подчёркивания и отточия, встречающиеся в документе, воспроизведены.

В связи с ограниченным объёмом публикации представлена только первая часть документа. Опущены главы «Августовские бои», «Заамурцы в отражении правильной атаки Порт-Артура», «Октябрьский штурм Порт-Артура» и заключение.

В подготовке публикации принимали участие Я.Ю. Мончинская и В.И. Ходченкова, для подготовки комментариев использована информация, предоставленная Д.К. Николаевым.

Ключевые слова: Порт-Артур, Восточно-Сибирский стрелковый полк, Русско-японская война, пограничная стража, Заамурские роты.

Zaamurtsy in defense of Port Arthur

Oleg Chistyakov, Cand. Sc. (History), head of scientific and reference system of the Russian State Military Historical Archive, Dolgoprudny.

The Military History Commission for describing Russo-Japanese War was created September 16, 1906 at the Main Directorate of the General Staff in order to compile and publish the historical description of the war. Here we publish a description of the actions of the military units of the separate corps of border guards of

* РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31827. Ч. 2. Л. 1—88.

the Amur district who were in the fortress of Port Arthur during its heroic defense, composed for this commission.

After completion of work, the Commission was abolished December 15, 1910. All the archival files collected were transferred to the Military Science Archive. In 1925 all the collections of the Military Science Archive were transferred to the Military Historical Archive of the RSFSR (now — Russian State Military Historical Archive), where this description is stored today. Unfortunately, the document author's signature is illegible, but there's a reason to believe that he is the captain of the separate corps of border guards S. Galynsky. The document consists of 88 type-written sheets with small handwritten insertions, all bound in a separate case with an inscription of witnessing by Lt. Col. K. Agafonov, clerk and head of the Military History Archives Commission for describing Russo-Japanese War. We publish the document in conformity with the norms of modern spelling and punctuation; obvious typos are corrected, some of the features of punctuation (including all underscores and hones) are reproduced.

Because of the limited publication volume we present only the first part of the document. Omitted are chapters "The August fights," "Zaamursky repel the attack of Port Arthur," "The October storming of Port Arthur," and the conclusion.

We thank Ya. Monchinskaya and V. Hodchenkova for their help with this publication. The comments section utilizes some information provided by D. Nikolaev.

Key words: Port Arthur, East Siberian Rifle Rgt, Russo-Japanese War, border guards, Zaamursky sq.

К о времени перерыва железнодорожного сообщения крепости Порт-Артур с Маньчжурией (27 апреля 1904 г.) охрана участка Китайской Восточной железной дороги к югу от ст. Пулондян состояла: от ст. Пулондян до ст. Саншилипу — полурота 53-й роты, под командой поручика Сиротко³; от ст. Саншилипу до ст. Кинчжоо (старое название ст. Цзиньчжоу) — полурота 21-й роты, под командой штабс-ротмистра Яковицкого⁴ (штаб роты — ст. Кинчжоо; 2-я полурота этой роты оставалась на ст. Дашицяо); от ст. Кинчжоо до Порт-Артура — 36-я рота, под командой ротмистра* Бутусова⁵ (штаб роты ст. Нангуалин**) и, наконец, в самом Порт-Артуре — 30 человек 23-й роты прикомандированные к 36-й роте и находившиеся в распоряжении поручика Лоздовского⁶.

Кроме того, имелось ещё 14 человек конных нижних чинов 42-й сотни, находившихся в прикомандировании к 21-й и 36-й ротам и 30 человек нижних чинов 8-го отделения полицейского надзора, состоявших в Порт-Артуре в распоряжении штабс-ротмистра Кузьменко⁷; всего, в общей сложности, 6 офицеров, 487 человек нижних чинов и 26 лошадей.

2 мая подполковником Бутусовым была получена от поручика Сиротко телеграмма такого содержания: «Охотники 5 полка выяснили, что, по долине реки Лунхэ, наступает около батальона пехоты и сотня кавалерии, штабс-капитан Андреевский⁸ приказал отступить на южные высоты за Саншилипу. По передаче телеграммы аппарат снимается до позиции».

* На Пасху 1904 г. произведённого в подполковники. (*Примеч. док.*)

** Слово «Нангуалин» вписано от руки. (*Примеч. сост.*)

Получив копию этой телеграммы на ст. Цзинь-чжоу, штабс-ротмистр Яковицкий решил спешить на помощь поручику Сиротко. Немедленно по телеграфу он* спросил подполковника Бутусова, едет ли он и, получив ответ: «еду, ждите», штабс-ротмистр Яковицкий, захватив своего ротного фельдшера, носилки и, сколько мог, нижних чинов (набралось человек 20), отправился вместе с прибывшим подполковником Бутусовым в поезде (7 товарных и 2 вагона 3 класса).

Не доезжая вёрст 6 до ст. Саншилипу, они встретили отходящих конных охотников штабс-капитана Андреевского, который доложил подполковнику Бутусову, что он отходит и приказал отходить и пограничным постам, так как на ст. Саншилипу, с запада, наступает отряд неприятеля, силою около полка пехоты с двумя эскадронами; частью этого отряда уже была занята станция, а другая часть направлялась в деревню Эршилипу, южнее и восточнее Саншилипу.

Во время этого доклада подошла и отступающая цепь 53 роты под командой поручика Сиротко.

Подполковник Бутусов предложил штабс-капитану Андреевскому вернуться на ст. Саншилипу, чтобы совместными силами попытаться задержать противника, но тот, оставив лишь несколько своих нижних чинов, сказал, что должен торопиться к генералу Фоку⁹ с докладом...

Тогда штабс-ротмистр Яковицкий, немедленно выслал фланговые дозоры для предупреждения обхода и усилив отступающую цепь своими 25 человеками, повёл цепь (силою человек в 70) к ст. Саншилипу, выслав предварительно вперёд головные дозоры.

Когда эта цепь поднялась на последнюю высоту, с которой как на ладони были видны станция и окружающие деревни, было замечено несколько быстро отступающих разъездов, открывших одиночный безрезультатный огонь.

Цепь залегла на гребень и лучшими стрелками открыла редкий огонь по разъездам, которые быстро ускакали в деревню.

Через некоторое время неприятель открыл по цепи из оврага у южной окраины деревни огонь залпами, приблизительно по полуротно, а вскоре было замечено, что в овраге число японцев прибавилось и они поодиночке начали перебежки.

За ними на южном склоне горы замечены были движущиеся части пехоты силою не менее взвода, и ближайшие из них тоже открыли по цепи залповый огонь с расстояния около 3000 шагов; в то же время вдали на холм выехали два горных орудия.

Заставив неприятеля развернуть свои силы и не находя нужным далее оставаться на этом гребне, тем более что никем из начальствующих лиц не было указано определённой задачи, штабс-ротмистр Яковицкий приказал цепи отходить.

* Слово «он» вписано от руки. (Примеч. сост.)

Во время отступления был убит рядовой 53-й роты Алексей Сюсюкин, а у неприятеля было видно, как 4 всадника были занесены лошадьми.

Позднее китайцы говорили, что на ст. Саншилипу японцами было зарыто 13 человек.

Во время отхода за станцией было слышно девять взрывов.

Дойдя до деревни Эршилипу и сняв до неё посты с линии железной дороги, подполковник Бутусов и штабс-ротмистр Яковицкий решили дальше не двигаться, а ждать каких-либо указаний.

Вечером получено было от генерала Фока приказание снять охранные посты до деревни Шисалитайцзы и выставить на ночь сторожевое охранение впереди этой деревни, на восточной её стороне (по обе стороны железной дороги), что и было исполнено сборной ротой* 77 человек 21-й и 69 человек 53-й роты, под командой штабс-ротмистра Яковицкого, при младшем офицере поручике Сиротко.

БОЙ У КИНЧЖОУ И ОТХОД К ПОРТ-АРТУРУ

3 мая в 7 часов утра сводная рота Заамурцев по распоряжению генерала Фока была снята с постов и получила назначение охранять вместе с конными охотниками 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка левый фланг позиции от деревни Шисилитайцзы до ст. Тафаншен, наблюдая за берегом моря; распоряжение это было сделано вследствие полученных о наступлении противника известий.

Позиция была занята двумя батареями 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и ротами 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Сводная рота расположилась на высотах севернее деревни Ченсихаеза.

В 11 часов утра противник открыл по нашей позиции артиллерийский огонь, сосредотачивая его преимущественно по нашим батареям.

Особенно пострадала 1-я батарея подполковника Романовского¹⁰; с первых же японских выстрелов у неё были подбиты почти все орудия и выведены из строя люди и лошади.

Всё время бой был исключительно артиллерийский и окончился часов в 5 вечера, когда наши войска очистили Шисалитайцзскую позицию и стали стягиваться к ст. Цзинь-чжоу.

Сводная рота Заамурцев никаких потерь в этот день не понесла, хотя расположение её также обстреливалось артиллерией неприятеля.

Когда полевые войска начали очищать позицию, сводная рота, бывшая на левом фланге, тоже снялась и стала отходить, направляясь к Кинчжоуской позиции.

Около 7 часов вечера штабс-ротмистр Яковицкий остановился с ротой у гор. Кинчжоо, на дороге к левому флангу Кинчжоуской пози-

* Слова «что и было исполнено сборной ротой» вписаны от руки. (Примеч. сост.)

ции, и отсюда послал конного к подполковнику Бутусову, прося сменить его какой-либо стрелковой ротой, так как со 2 мая люди ничего не ели, а в этот день даже хлеба с собою не было; обед хотя и был привезён, но артельщик не мог получить сведений о месте расположения роты, чем и воспользовался один из командиров стрелковых рот, задержав кухню и приказав своим людям разобрать пищу..

Около 10 часов вечера сводная рота была сменена стрелковой, и люди ушли в свои казармы на ст. Кинчжоо.

4 и 5 мая 36-я рота находилась на ст. Кинчжоо, выставляя на ночь лишь сторожевое охранение, а днём посылая разъезды из находившихся при ней нижних чинов 42-й сотни.

4 же мая распространилось известие о готовящейся высадке японцев в одной из ближайших к крепости бухт с целью обойти Кинчжоускую позицию, которую все считали тогда неприступной как с суши, так и с моря.

4 мая штабс-ротмистр Бирюлькин¹¹ и поручик Лоздовский приехали на пост № 6, где и остановились выпить чаю.

В этом месте линия железной дороги проходит лишь в нескольких саженях от берега моря.

Во время чаепития вдруг со стороны моря раздался выстрел, другой, и с шипением над домом пролетел снаряд и разорвался за забором.

Бывшие в здании поста выбежали на дворик, и в это время другой снаряд попал в окно и, ударившись в противоположную стену, разорвался в комнате.

Несчастий с людьми не произошло.

Оказалось, что это были японские миноносцы и канонерская лодка, они подошли к берегу саженей на 200 и, вероятно, приняв здание поста за станцию или обширную казарму, открыли по нему огонь.

Стрельба эта не принесла посту особых потерь, если не считать побитых окон, стен и разорванных осколками солдатских шинелей и постелей.

Вечером 5 мая сводной роте, охранявшей станцию Кинчжоо, было приказано генералом Фоком отойти к позиции, так как станция закрывается.

На следующий день получило приказание: роте оберегать юго-восточную часть залива Хунуэза, особенно в ночное время, так как предполагалось наступление японцев через залив.

До 11 мая неприятель не предпринимал никаких активных действий, а наши войска окапывались на Кинчжоуском перешейке, продолжая укреплять и так неприступную, как тогда полагали, Кинчжоускую позицию.

10 мая подполковник Бутусов получил от адъютанта 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитана Баума¹² частную записку, в которой излагалась просьба командира бригады полковника Ирмана принять участие в предполагаемой разведке неприятеля; при этом выражалось желание, чтобы в разведке приняло участие возможно большее число «молодцов-пограничников»; вскоре была

получена уже официальная записка от штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады:

«Подполковнику Бутусову. Командир 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады просит вас, если возможно, прислать завтра, 11 мая, к 6 часам утра несколько ваших испытанных пограничников разведчиков. Полковнику Ирману¹³ поручено завтра произвести разведку. Зная ваших людей как прекрасных разведчиков, полковник Ирман рассчитывает на вашу любезность. Если вы сами желаете участвовать в разведке, то сборный пункт в деревне Тафашин. Если вы разведчиков вышлете, то пусть они придут на станцию Тафашин к 6 часам утра. Завтра для офицеров форма одежды на разведку — солдатская шинель с винтовкою за плечами. Прошу ответить для доклада полковнику Ирману. Бригадный адъютант штабс-капитан Баум».

Предполагалась усиленная разведка и бой под командою полковника Ирмана, но перед этим решено было произвести ночную разведку неприятеля нашими, более опытными, разведчиками, выслав несколько небольших самостоятельных партий к подножью горы Самсона и её отрогам.

Подполковник Бутусов лично руководил разведкой, которая была произведена 3 партиями по 4 человека в каждой под начальством ефрейторов 36-й роты Жидкова, Мицика и Слижа.

Несмотря на трудность задачи вследствие темноты и присутствия массы неприятеля в окрестностях, разведка была произведена блестяще, что свидетельствует записка полковника Ирмана (см. ниже), и выяснила приготовления японцев к наступлению, установку артиллерии, скопление войск, обозов и проч.

Возвращаясь с разведки уже на заре, подполковник Бутусов встретил вестового с запиской от полковника Ирмана, в которой извещалось, что назначенная на 12 мая разведка по приказанию генерала Стесселя¹⁴ отменена и частям приказано немедленно вернуться на позиции.

Придя домой, подполковник Бутусов послал донесение полковнику Ирману о результатах произведённой ночной разведки, на что от него получил следующий ответ:

«Подполковнику Бутусову. Генерал Стессель разведку-бой отменил; отряд мой расформирован. Донесение ваше представляю генералу Фоку. Разведчиков верните. О вашей полезной и блестящей разведке доложу начальству. Полковник Ирман».

О деятельности бывших в Порт-Артуре Заамурцев в деле разведки Е.К. Ножин¹⁵ в своей «Правде о Порт-Артуре» говорил следующее*:

«В действительности, кто мог приносить и приносил огромную пользу в деле разведок по личной инициативе, так это чины 36-й и 21-й рот пограничной стражи, прекрасно знавшие места.

* См. ч. 1 стр. 111 и 112, изд. Герольд. (Примеч. док.)

Но ими почти совсем вначале не пользовались: они были почему-то не в милости у генерала Стесселя и Фока.

Все, кто знал отличную службу пограничников и их храбрых командиров подполковника Бутусова и ротмистра Яковицкого (в том числе и полковник Лапарев*¹⁶, командир 2 батареи 4 В.-С. стрелковой артиллерийской бригады, и покойный Кондратенко¹⁷), неоднократно мне говорили, что пограничники прямо незаменимы.

Но до тех пор, пока они не попали под непосредственное начальство покойного Кондратенко, они игнорировались, а со стороны Стесселя преследовались».

Вечером 12 мая сводная и 36-я роты Заамурцев заняли свои окопы по берегу бухты Хунуэза.

Ночь была дождливая и бурная; прожекторы с позиции не освещали.

Этим неприятель воспользовался, чтобы окончательно подготовиться к бою.

Около 2-х часов ночи на 13 мая со стороны французского укрепления, к С.-В. от позиции, раздался орудийный выстрел, а за ним другой; на другой стороне разом стали мелькать огоньки и слышен был стук колёс: то японцы устанавливали свою артиллерию.

Часов около 5 утра, когда роты стали отходить на бивак, с той же стороны раздался выстрел и сразу загрохотали неприятельские батареи, охватив огнём полукольцом всю позицию, начиная от кумирни к северу от города и кончая высотами за французским укреплением.

Стреляло приблизительно до 160 орудий.

В складках местности к С.-В. от бухты Кэр видны были колонны численностью около 2-х полков пехоты.

Вдали стоял общий резерв такой же численности.

Окопы, занимаемые Заамурскими ротами, составляли правобланговую оконечность всей позиции и обстреливались лишь случайными снарядами, дававшими недолёты в находившуюся сзади Известковую батарею поручика Соломонова¹⁸; зато окопы, находившиеся в центре и на левом фланге позиции, и особенно все наши батареи, положительно засыпались снарядами, вырывавшими целые бреши в брустверах и рассыпавшими мешки с землёй на далёкое расстояние.

Над позицией стоял сплошной ад и удушливый от японских шимоз дым, от которого люди прямо задыхались.

Наша артиллерия с позиции отвечала часа два, а затем замолкла, так как на всех батареях прислуга была перебита, а орудия подбиты; стреляла только полевая артиллерия, стоявшая за позицией, пользуясь угломером.

Дольше других стреляла Соломоновская (Известковая) батарея, но стрельбу около 1 часу дня и она прекратила за неимением снарядов и за выбытием прислуги из строя.

* Так в тексте. Следует читать «Лапэров». (Примеч. сост.)

Около 10 часов утра с правой стороны, у берега, показалась наша канонерская лодка «Бобр», которую все приняли сначала за японскую.

Но каково было удивление войск, когда это судно открыло меткий огонь по неприятельской артиллерии, заставив сняться около шести батарей, стоявших у южного склона горы Самсон.

«Бобр» много способствовал тому, что стрелковые окопы центра не были покинуты пехотой, несмотря на адский огонь японской артиллерии.

Вся наша позиция обстреливалась полевыми и осадными батареями, расположенными по отрогам горы Самсон, а центр и левый фланг её, в особенности, поражен был огнём неприятельских канонерок и лёгких крейсеров, подошедших очень близко к берегу.

Перекрытым огнём этих судов все сооружения позиции вскоре были разрушены.

Часов около 11 утра по приказанию генерала Надеина¹⁹ Заамурские роты заняли свободный окоп ближе к центру позиции, впереди деревни Тафашин.

Здесь роты обстреливались уже и шрапнелью, но неудачно.

Огонь неприятеля не ослабевал почти до заката солнца.

Во время самого разгара артиллерийской стрельбы, когда окопы сплошь засыпались осколками, в одном из окопов остался наш пулемёт, брошенный отошедшими в другой окоп стрелками.

Пулемёт стоял открыто и легко мог быть разбит снарядами.

Видя это, рядовые 36-й роты Нестеров и Полыгалов попросили разрешения выйти из окопов и убрать пулемёт в более безопасное место; выполнив это, они вернулись в окоп, за что и были подполковником Бутусовым представлены к знакам отличия Военного Ордена, которые впоследствии и получили.

Станция Тафашин, ближайшая к Кинчжоуской позиции, сильно обстреливалась неприятельской артиллерией, как с суши, так и с моря; на станции в это время стояли вагоны со снарядами для Кинчжоуской позиции, из которых один от неприятельского снаряда загорелся; пожар грозил взрывом всех снарядов.

Тогда, несмотря на то, что неприятель сильно обстреливал это место, бывшие проводниками поезда 36-й роты фельдфебель Флинт, унтер-офицер Елсуков и рядовые Струзик и Ткач бросились к горевшему вагону и, отцепив его, откатили далеко от остальных, чем предупредили грозившую опасность.

Все нижние чины эти были награждены.

Около 8 часов вечера войска стали очищать позицию, но Заамурцам приказание об отступлении не было прислано и подполковник Бутусов решил взять на себя ответственность, отдав распоряжение об отходе к ст. Тафашин и высотам, уже тогда, когда на самой позиции взвился японский флаг...

Вся тяжесть обороны Цзиньчжоуской позиции легла на 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который в течение 15 часов удерживал 2 японские дивизии, при более чем 200 орудиях.

Этот доблестный полк потерял в бою 40% своего состава.

Несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь, продолжавшийся во всё время отхода, Заамурцы потерь не понесли.

Прийдя на ст. Нангуалин, около 9 часов вечера, роты расположились на отдых.

В ночь с 13 на 14 мая город Дальний был очищен русскими жителями.

14 мая часть 36-й роты вместе со сводной ротой Заамурцев и отрядом из частей 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии находилась на биваке у разъезда железной дороги, в 12 верстах от крепости Порт-Артур; другая часть 36-й роты заняла посты вдоль линии железной дороги от 12 до 23 версты включительно.

Заведывание этим участкам охраны железной дороги было возложено на поручика Лоздовского.

После прохода полевых войск к Артуру Заамурцы тоже отошли к Артуру и стали биваком на 1 версте, часть же заняла посты до ст. Инченцзы.

К этому времени в состав Квантунского укрепленного района входили: 9 стрелковых полков, 3 батальонного состава; 3 запасных батальона и 2 роты Заамурцев.

Всего пехоты было 30 1/2 батальона, общая численность которых доходила до 32—33 тысяч.

Если же считать артиллерию, моряков и проч., то всего на Квантуне было около 45 тысяч.

У японцев же в это время, под командой генерала Ноги, была 1-я и 11-я пехотные дивизии, всего около 30 тысяч человек.

ДЕЙСТВИЯ ЗААМУРЦЕВ В СОСТАВЕ 26 ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА ДО ИЮНЯ 1904 г.

19 мая, согласно приказу по 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, к 26-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку* были командированы Сводная рота и 150 нижних чинов 36-й роты под командой штабс-ротмистра Бирюлькина.

Полком в то время командовал полковник Семёнов²⁰.

Люди эти расположились на позиции у кладбищенских высот.

Прочие же люди 36-й роты по приказанию начальника военных сообщений генерального штаба подполковника Иолшина²¹ продолжали

* Слова «Сибирской стрелковой дивизии, к 26-му Восточно-» вписаны от руки.
(Примеч. сост.)

охранять под руководством поручика Лоздовского участок Китайской Восточной железной дороги на 18 вёрст к северу от ст. Порт-Артур.

20 мая Заамурцы приступили к постройке блиндажей у кладбищенских батарей, так как были назначены резервом к ротам 26-го полка.

С этого же дня были приняты и на довольствие в полку.

21 мая в 4 часа пополудни Сводная рота и часть 36-й роты (150 человек) по личному приказанию командира 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка экстренно выступила из Порт-Артура к бухте Сяо-Биндао в деревню Лиатунь на усиление отряда подполковника 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Киленина²², составлявшего правый авангард.

Роты прибыли туда около 9 часов вечера.

На другой день вследствие распоряжения подполковника Киленина Заамурцы перешли в состав левого отряда и расположились резервом у деревни Моуцзангоу под общей командой подполковника 28 Восточно-Сибирского стрелкового полка Шишко²³.

С разрешения начальника военных сообщений поручик Лоздовский передал заведывание охраной участка железной дороги унтер-офицеру Маляру и вступил в подчинение командира 36-й роты штабс-ротмистра Бирюлькина.

23 мая по приказанию подполковника Шишко Заамурские роты со всеми гг. офицерами получили приказание произвести ночное нападение на противника, расположившегося вблизи деревни Сяо-Биндао.

Самые точные сведения о его силах и расположении должны были дать охотники 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Но Заамурцы, выступившие часов в 8 вечера и прибывшие к 1 часу ночи к кумирне верстах в 2 от предполагаемого расположения неприятеля, ровно никаких сведений от охотничьей команды не получили и по распоряжению подполковника Шишко вернулись в деревню Иоуцзангоу в 6 часов утра, сделав в эту ночь около 36 вёрст.

До 26 мая роты, находясь на месте, занимались работами по проведению дороги для артиллерии на гору Куинсан, а также производили разведки неприятеля небольшими партиями вызвавшихся охотников.

Первыми пошли на разведку 21-й роты младший унтер-офицер Лежнов, рядовые Конопко и Панфилов, 53-й роты Паушта, Хащ и Попков и 36-й роты младший унтер-офицер Михалицын, ефрейторы Шишпаренок и Голобородько, рядовые Полыгалов и Ковалёв, вернувшись вечером 27 мая, они дали точные и ценные сведения о числе, расположении и приготовлениях неприятеля.

27 мая роты опять были вытребованы подполковником Килениным вперёд, к Большому перевалу, к участку капитана Аверьянова²⁴, откуда совместно с 4-й ротой 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Сводная рота Заамурцев и охотничья команда того же полка должны были, открыв предполагаемого неприятеля, который в составе около батальо-

на пехоты, при шести горных орудиях, якобы стоял биваком у деревни Линдиатунь, напасть на этот отряд и уничтожить его.

Охотничья команда 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка снова не сделала разведки и не дала никаких сведений, поэтому и задача осталась невыполненной, и отряд, пройдя за деревню Бейхагоу, в 4 верстах от города Дальнего, вернулся обратно в деревню Моуцзангоу распоряжением подполковника Киленина.

29 мая из нижних чинов Сводной роты и 36-й роты, была сформирована охотничья команда, заведывание которою было поручено поручику Сиротко; состав её — 72 человека.

В этот же день охотничья команда и Сводная рота Заамурцев, под командою штабс-ротмистра Яковицкого, делали разведку, причём, дойдя до реки Мелан-хэ, выяснили, что противник очистил участок горы Куинсан и здесь находились лишь его передовые посты, которые после слабой перестрелки отошли.

Охотничья команда поручика Сиротко заняла деревню Чундиатун, у подножья горы.

30 мая эта команда вступила в перестрелку с неприятелем, который в числе около 2 рот проходил вблизи позиции.

31 мая охотничья команда и Сводная рота Заамурцев получили приказание вместе с охотничьей командой 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка произвести наступление на деревню Лангетырл.

Охотничья команда выступила в 4 часа пополудни.

Штабс-ротмистру Яковицкому приказано было расположиться Сводной ротой в деревне Лиудиатунь и служить резервом.

Охотники шли без всякой разведки и к С.-В. от деревни Лангетырл, выйдя из ущелья, неожиданно наткнулись на сильные неприятельские окопы; завязалась жаркая перестрелка, продолжавшаяся полтора часа, во время которой был убит заведующий охотничьей командой 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка поручик Бицоев²⁵, сам вызвавшийся в этот день на разведку; смертельно ранен помощник его, подпоручик Злобинский²⁶, убито и ранено около 45 человек, т.е. почти половина состава команды (в которой было 100 человек).

В охотничьей команде поручика Сиротко были тяжело ранены: 53-й роты рядовой Гаврилаш, и легко: 21-й роты рядовой Сиббул, 36-й роты Ленкевич и младший унтер-офицер Почесуй (вторично).

Незначительные потери объясняются тем, что охотничья команда Заамурцев успела рассыпаться в цепь и потому представляла меньшую цель для стрельбы противника.

После стычки команды были отведены, согласно заданию, назад, к деревне Чиндиатун, под прикрытием Сводной роты, люди которой помогли нести раненых и убитых.

Вечером в тот же день, после стычки, команда поручика Сиротко заняла ущелье у деревни Сындиаталынь.

Чтобы воспрепятствовать противнику ворваться в ущелье, на поддержку команды была выслана Сводная рота, к 8 часам утра рота отошла обратно на бивак, а охотники поручика Сиротко заняли позицию правее деревни Лиугиатунь.

Часов около 9 утра 1 июня японцы стали наступать на участок от деревни Лангетырл к деревне Вейхагоо.

В происшедшей перестрелке Заамурцы никаких потерь не понесли.

В 4 часа дня обе роты были вызваны с бивака к перевалу у деревни Хуидетырл, но так как неприятель отошёл, то роты стали здесь биваком, в резерве; однако, 36-я рота сейчас же была вызвана и получила приказание идти на выручку охотничьей команды прапорщика Диатропова²⁷, находившейся на горе Уайцелаза и охваченной неприятелем.

При приближении роты японцы отступили, после чего рота отошла на бивак, а охотники заняли первый перевал.

2 июня подполковник Бутусов был назначен начальником передовых постов, состоящих из охотничьих команд.

4 июня полурота 36-й роты была выдвинута вперёд к горе Уайцелаза для поддержания охотничьих команд, а на следующий день обе роты перешли в передовую линию, заняв высоты у деревни Пичигоу.

Охотничья команда поручика Сиротко ещё 3 июня была расформирована, и люди возвращены в роты.

6 июня роты снова перешли на бивак у деревни Сындиатальнь и поочередно занимали высоту у деревни Пичигоу и высоту 131, которая, как передовой наблюдательный пункт, имела для нас важное значение: с неё открывался вид на город Дальний, бухту и всю местность до самого города Дальнего.

Высота эта занималась нашими охотниками только днём, к вечеру же они отходили, а высоту занимали японцы.

Наутро охотники их выбивали и снова занимали гору; это продолжалось несколько дней, до ухода Заамурцев с позиций.

8 июня 36-я рота и полурота 53-й роты под общей командой подполковника Бутусова были посланы вместе с охотничьей командой 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (поручика Волчанского*²⁸) произвести рекогносцировку неприятельских позиций между горою Тисанцзы и деревнею Хосидяо.

Рекогносцировка произведена часов в 8 утра, причём было выяснено, что на своих передовых позициях японцы держат небольшие посты, которые тотчас же были отогнаны нашей цепью к своей главной позиции.

При занятии одной из высот в районе неприятельского расположения младший унтер-офицер 36-й роты Петришин, вместе с рядовыми Устиновым, Козловым и Кириллюком, заметили, что у подошвы горы двое японцев поспешно отгоняют стадо коз.

* Так в тексте. Следует читать «Волченский». (Примеч. сост.)

Петришин с товарищами бросился с горы за стадом, причём стадо убежало в горы, а по смельчакам японская застава, находившаяся недалеко, открыла огонь залпами.

Козлов был тяжело ранен в голову, но, несмотря на это, молодцы Заамурцы отогнали 170 штук коз и 6 баранов, так что обе роты потом почти в течение месяца имели свежее мясо, а тогда мясная дача была уже значительно уменьшена и нижние чины получали мясные консервы лишь три дня в неделю.

После разведки роты вернулись на бивак около 6 часов вечера.

На другой день, часов около 4 утра, две роты японцев, подошедшие скрытно, пользуясь туманом и складками местности, а также близлежащими деревнями, внезапно с 200 шагов атаковали заставу Заамурцев, находящуюся на высоте 131.

Застава встретила атаку залпами, сделал около 10 залпов, но, ввиду превосходства сил противника, начальник заставы старший унтер-офицер Павлец стал отступать, потеряв двух человек убитыми — рядовых Помогаева и Шучалина, из которых последний уговаривал Павлеца сделать ещё один залп, так как «уж очень здорово ложится неприятель».

Молодец был убит пулей в голову.

Застава отступила на позицию у горы Уайцелаза, преследуемая огнём неприятеля, который, заняв высоту 131, рассыпал на ней густую цепь.

Открытый вслед за этим залповый огонь 36 роты заставил японцев быстро очистить высоту и отойти назад.

Во время перестрелки были тяжело ранены: в грудь навывлет вестовой подполковника Бутусова, рядовой Янков, и легко в руку унтер-офицер Павлец.

10 июня отряд из одной охотничьей команды и двух рот Заамурцев получил приказание: с 5 часов утра перейти в наступление и, заняв неприятельскую позицию между горой Тисан-цзы и деревней Мяолинчан, окончательно на ней укрепиться.

Около 12 часов дня охотники с правого фланга позиции донесли, что пять рот японцев зашли во фланг со стороны Сяо-Биндао.

Тогда подполковник Бутусов приказал немедленно полуроте Сводной роты Заамурцев под команду поручика Лоздовского, идти на усиление охотничьей команды, находившейся на правом фланге.

Поручик Лоздовский с 50 человеками быстро направился к обходённому флангу, причём через час ходьбы очутился далеко впереди позиции, занятой фланговой охотничьей командой прапорщика Пашкевича, и занял гребень высоты, с которой деревня Сяо-Биндао видна была как на ладони.

С этого гребня поручик Лоздовский предпринял рекогносцировку дер. Сяо-Биндао, где выяснил присутствие японских рот.

Дойдя до деревни Бейхагоу и обрекогносцировав её, поручик Лоздовский с полуротой, часов около 9 вечера, прибыл на бивак.

11 и 12 июня роты стояли биваком у деревни Моуцзангоу, продолжая работы по устройству окопов и дорог на горе Куинсан.

Со времени Кинчжоуского боя и до 13 июня никаких серьёзных боёв не было.

Гарнизон крепости занимал линию обороны от Шаио-тин-тао (приблизительно на 10 миль к Ю.-З. от города Дальнего) до высоты Ан-ци-шань (около 18 миль от Порт-Артура на С.-В.).

Протяжение позиции гарнизона было около 15 миль.

Японцы занимали приблизительно параллельную линию, не менее 12 миль длины (от Ан-ци-шана на западном до Дал-ши-шана на восточном берегу, около 5 миль к Ю.-З. от города Дальнего), на расстоянии 2 миль от линии обороны гарнизона.

ИЮНЬСКИЕ БОИ

Ввиду полученных сведений о готовящемся общем наступлении японцев 13 июня была предпринята ночная усиленная рекогносцировка охотничьими командами 25-го и 26-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, находящихся у горы Уайцелазы.

В поддержку охотничьим командам была назначена сводная рота Заамурцев, которая выступила с бивака на рассвете 13 июня.

Этому отряду приказано было напасть на японцев.

Но неприятель предупредил наши намерения.

Пока наш отряд, согласно диспозиции, только ещё собирался выступить с бивака, японцы успели уже потеснить наши передовые охотничьи команды, которые отходили с потерями на главную позицию.

Известие об этом было получено во время движения у деревни Лиугиатунь.

36-я рота была оставлена при деревне Сашань, где и заняла позицию рядом с 7-й ротой 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, правее горы Куинсан, сгустив цепь 5-й роты того же полка.

Самая гора Куинсан, была занята ротой 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командой капитана Лопатина²⁹.

Вызванная экстренно с бивака 36-я рота прибыла и расположилась сзади Сводной в резерве.

Ровно в 5 часов утра начался бой артиллерийским огнём, который сосредоточился исключительно на вершине горы Куинсан, занятой ротой капитана Лопатина.

Вскоре артиллерийский огонь сменился сильным ружейным.

За всё время боя, продолжавшегося 14 часов, были ранены: Сводной роты рядовые Губерт и Снигур и контужен пролетевшим снарядом командир роты, штабс-ротмистр Яковицкий; в стрелковых ротах убыль была тоже незначительна и только рота капитана Лопатина пострадала

больше других, так как все усилия японцев были направлены к занятию Куинсана, на котором она находилась.

Наша артиллерия, состоящая из 4-х пушек Барановского, бездействовала, так как артиллеристов не было, а приставленная к орудиям прислуга из стрелков не умела с ними обращаться, тем более, что для стрельбы из этих орудий требовались хорошие наводчики.

Да и существенной пользы эти орудия принести не могли бы, потому что неприятель ограничился лишь ружейной перестрелкой, прикрываясь лишь густыми кустами, из-за которых его совершенно не было видно.

Часам к 4 вечера японцам удалось овладеть Куинсаном.

Атаку на эту гору вёл 44-й пехотный японский полк, потеряв около 200 человек убитыми и ранеными.

Заняв вершину горы, японцы тотчас на ней укрепились, и, несмотря на попытки выбить их оттуда, ротам 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка это не удалось.

Вскоре был получен приказ об отступлении с позиций ввиду занятия японцами командующей высоты.

Но прежде этого приказа сделано было распоряжение послать полуроту 36-й роты Заамурцев на усиление роты, занимавшей скат Куинсана, и взвод Сводной роты — на усиление фланга 7-й роты 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, наиболее подвергавшейся огню неприятеля.

Взвод Сводной роты Заамурцев под командою поручика Лоздовского и полурота 36-й роты под командою штабс-ротмистра Бирюлькина двинулись вверх, но уже с половины ската горы были возвращены ввиду начавшегося общего отступления, причём идти пришлось под сильным ружейным огнём противника и дождём шрапнели.

К 5 часам вечера войска очистили все позиции, отходя к горе Дагушан, причём полурота Сводной роты под командой поручика Лоздовского по приказанию подполковника Бутусова прикрывала отступление отряда.

Японцы не преследовали.

Во время отступления подполковнику Бутусову доложили, что у окопов, занимавшихся одной из рот 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, остался лежащим один офицер этого полка, раненый и в бессознательном состоянии.

Подполковник Бутусов вызвал желающих поднять и доставить раненого офицера.

Тогда 42-й сотни рядовой Иосиф Скорик, бывший в качестве вестового при роте, помчался под огнём в окоп, занятый уже японцами.

Подскакав к ним шагов на 50, он в один миг свалился с лошади, причём последняя тоже упала, и пополз к раненому; японцам не видна была эта проделка Скорикова*, так как раненого офицера скрывал кустарник, поэтому они и стрелять перестали, считая как лошадь, так и всадника убитыми.

* Так в тексте. (Примеч. сост.)

Опомнились они только тогда, когда увидели молодца Скорикова*, скакавшего назад с офицером, перекинутым через седло, и открыли стрельбу, но было уже поздно.

Скорик благополучно доставил офицера и сдал его проходящим санитарам.

К 8 часам вечера роты Заамурцев прибыли на главную позицию, а от туда в 9 часов вечера генералом Кондратенко были отправлены на гору Дагушань, где и заняли окопы.

Весь день 14 июня роты находились на позициях у горы Дагушань, а в 1 час ночи 15 июня по экстренному приказанию выступили вперёд на позиции между деревнями Лишангоу и Дамагоу, по западной окраине Лунвантанской долины, образовав из себя отряд под командою подполковника Бутусова.

16 июня обе роты Заамурцев из резерва перешли в передовую линию, заняв полуустроенные окопы по гребню сопок, окаймлявших западную часть Лунвантанской долины и ущелье деревни Литангоу.

17 июня около 5 часов вечера с горы раздались частые выстрелы и пули засвистели между рядами Заамурцев.

Произошёл сильный переполох, впрочем, скоро прекратившийся, так как стрельба затихла.

Однако случайными пулями были легко ранены: 36-й роты рядовой Филиппов — в ногу, рядовой Колесников — в нос и одна лошадь.

Ввиду появления неприятеля, к ночи была усилена бдительность выставлением нескольких лишних дозоров, но противник в этот день больше не появлялся.

Участок позиции, занимаемой ротами Заамурцев, был довольно большой, так что люди в окопах располагались очень редко (около 5—10 шагов друг от друга), почему к вечеру 17 июня прибыла охотничья команда 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и расположилась шагах в 50 за скатом, сзади сводной роты.

Уступом справа, за 36-й ротой, стояла 7-я рота 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, под командою штабс-капитана Либиса³⁰.

Вечером пошёл сильный дождь, разыгралась гроза.

Окопы, занимаемые Заамурцами, быстро наполнились водою, и люди принуждены были выйти из окопов, расположившись в шагах трёх от них.

Настроение было тревожное, так как дозоры принесли известие, что по ту сторону долины, в деревне Дамагоу, сосредотачиваются японцы.

Гроза усиливалась, дождь лил как из ведра, молния блистала ежесекундно, освещая окрестности, силуэты людей, кутавшихся от пронизывающего ветра в мокрые шинели.

В это время, при новой вспышке молнии, длившейся несколько секунд, было замечено движение через долину густой неприятельской цепи,

* Так в тексте. (Примеч. сост.)

которая была отбита залповым огнём 36-й роты Заамурцев и 7-й ротой 26 Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Два следующих дня, 18 и 19 июня, Заамурцы оставались на своих позициях, продолжая её (так в документе. — *Сост.*) укреплять.

Часов в 5 вечера 20 июня Заамурцам приказано было выйти из своих окопов и, сойдя в долину Лунвантана, стать резервом у деревни Дамагоу совместно с резервом отряда, выдвинутого вперёд для занятия позиций у горы Куинсана.

Резерв вёл лично генерал Кондратенко.

Около 8 часов вечера, остановив резерв, он приказал Заамурцам под общею командою подполковника Бутусова двинуться вперёд, чтобы на рассвете поддержать передовые роты 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, занимавшие наши старые позиции, откуда они были немного оттеснены шрапнелью противника.

С 3 часов утра 21 июня японцы открыли по всей линии артиллерийский огонь, а также начали обстреливать с 300 шагов наши позиции пулемётами.

С наступлением же утра выяснилось, что Заамурцы занимали очень невыгодную позицию, так как почти в тылу у них оказалась невысокая сопка, занятая неприятелем, который открыл сильный пулемётный огонь во фланг.

Недолго думая штабс-ротмистр Яковицкий приказал своей Сводной роте перевалить через гребень сопки, которую рота занимала, и залечь на скате, обращённом к противнику, так как кроме пулемётного огня неприятель стал обстреливать наши позиции шрапнелью горной артиллерии, расположенной на Куинсанае.

Этим манёвром штабс-ротмистр Яковицкий уберёг роту от сильного флангового огня.

Правее Сводной роты расположилась 36-я рота, под командою штабс-ротмистра Бирюлькина, заняв отдельные сопки, из которых две находились совершенно под прямым углом к нашей позиции.

Несмотря на сильный шрапнельный, ружейный и пулемётный огонь во фланг, роты не понесли значительных потерь, с фронта же они лишь слабо обстреливались ружейным огнём.

Во время боя шрапнелью был убит Сводной роты рядовой Алексей Ладанов, ранены: старший унтер-офицер Гурьян Мануилов, Степан Коваль, ефрейтор Сергей Антропов и 36-й роты — старший унтер-офицер Игнатий Павлец.

После артиллерийского огня роты снова подверглись обстреливанию пулемётами, причём в цепи был ранен штабс-ротмистр Яковицкий в бедро на вылет.

Действие пулемётов было настолько сильно, что не давало нижним чинам возможности отлучаться с позиции за водою, и они, изнемогая от жажды, продолжали делать своё дело безропотно и с полным сознанием его важности.

Раненый штабс-ротмистр Яковицкий, вследствие сильной потери крови, с первого перевязочного пункта был отправлен врачом в госпиталь Мариинской Общины Красного Креста, сдав роту в командование поручику Сиротко.

В полдень неприятельский огонь немного притих, но не более как через полчаса снова загрохотали пушки и затрещали пулемёты с новою силою.

Неприятель пробовал бросаться в атаку на наши позиции, но появившиеся в Сашанской долине его колонны были всякий раз отбиваемы нашими залпами, с прицелом 2700 шагов.

На своих позициях Заамурцы продержались до самого вечера, когда японская артиллерия совершенно замолчала и лишь редкий ружейный огонь свидетельствовал о присутствии неприятеля.

Вечером пошёл сильный дождь с пронизывающим ветром, продолжавшийся всю ночь.

Около 4 часов утра Заамурцы, вследствие полученного приказания, задерживаясь понемногу на всех сопках, отступили на главную позицию, где заняли свои прежние окопы у деревни Литангоу.

По дороге Заамурцы были встречены генералом Кондратенко, который высказал свою особую признательность гг. офицерам и благодарность нижним чинам, Заамурцам, за славную боевую службу на передовых позициях в течение месяца.

23 июня подполковником Бутусовым было приказано поручику Лоздовскому принять от поручика Сиротко в командование Сводную роту, а последнему* — быть младшим офицером 36-й роты.

В этот же день обе роты, согласно диспозиции, перешли из окопов назад и стали в резерве для отдыха.

24 июня около 10 часов вечера ввиду предполагавшейся высадки японцев у деревни Сяо-Биндао Сводная рота находилась у бухты Лунвантань для противодействия обходу.

25 июня вечером в Лунвантунскую долину была послана 36-я рота и далее роты чередовались дежурством до 28 июня; утром же 28 июня роты перешли из резерва в передовую линию на Зелёные горы, где и занялись устройством окопов и дорог на позицию...

За всё время с 23 апреля роты находились в самом близком соприкосновении с противником на передовых позициях, что к концу июня уже отразилось на людях; чувствовалась необходимость небольшого, хоть недельного отдыха; люди были переутомлены, одежда и обувь изорвалась, так что ходили в опорках, лаптях, чувяках, купленных подполковником Бутусовым, а то и босиком, имея ноги обёрнутыми в тряпки; из палаток шили брюки и рубахи, словом — бедствовали во всю, а крепостное интендантство, во главе со своим начальником капитаном До-

* Слова «а последнему» вписаны от руки. (Примеч. сост.)

стоваловым³¹, ничего Заамурцам не отпускало на том основании, что они не принадлежат к Военному Ведомству.

Очевидно, слухи о положении Заамурцев вскоре дошли до городских жителей Артура и моряков, так как потом стали поступать пожертвования первой необходимости от матросов броненосца «Победа», от купца Исаева, от служащих Невского судостроительного завода, от представителей фирмы «Кунст и Альберс» и т. д., а позднее подполковник Бутусов получил письменное уведомление, что Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна³² выслала для раздачи нижним чинам Заамурцам белья и сапожного товара на 1000 человек.

Впрочем, последний подарок не был получен.

ИЮЛЬСКИЙ ШТУРМ В ПОРТ-АРТУРЕ

2 и 3 июля роты Заамурцев с утра до вечера были в полной боевой готовности ввиду полученных сведений о готовящемся наступлении японцев, а 5 июля получили наконец разрешение отправиться в Артур — на давно желанный и необходимый отдых.

В Артуре обе роты расположились частью в палатках, на дворе помещения поста у вокзала, а частью — в отведённых товарных вагонах.

Отдыхали до 11 июля, успев за это время починиться и помыться в бане.

12 июля по личному приказанию начальника 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала Кондратенко Сводная и 36-я роты Заамурцев в 3 часа пополудни экстренно выступили на позиции у деревни Литангоу, где получили распоряжение составить общий резерв на Большом перевале в отряде подполковника Голицынского*³³.

Роты прибыли к месту около 12 часов ночи и расположились на отдыхе, не составляя ружей и будучи наготове.

Из офицеров в строю находились: подполковник Бутусов, штабс-ротмистр Бирюлькин и поручик Лоздовский.

Штабс-ротмистр Яковицкий был в госпитале, а поручик Сиротко — болен на квартире.

В эти дни на Квантуне наступил период дождей, и японцы начали сильно страдать от болезни бери-бери (эта болезнь происходит от брожения в рисе после ливней, вымачивающих мешки с рисом во время перевозок).

Тем не менее около середины июля армия генерала Ноги состояла из 60 000 штыков, составлявших следующие боевые единицы: 1-я, 9-я и 11-я дивизии и две отдельные пехотные бригады второго резерва (каждая бригада по 9000 человек); кроме того, бригада морская и смешанная артиллерийская бригада с 15 гаубицами.

* Так в тексте. Следует читать «Галицинский». (Примеч. сост.)

Имея значительный численный перевес и зная об отходе русской армии к северу от ст. Дашичао, японцы 13 июля перешли в наступление с целью оттеснить гарнизон крепости с занимаемых им позиций.

День 13 июля с 6 часов утра начался сильным артиллерийским огнём, который открыли японцы и сейчас же повели наступление на Большой перевал, направляя все силы преимущественно на правую сторону перевала, где находился редюит, занятый 5-й ротой 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Видя, что стрелки несут сильные потери и нижние чины, не выдержав штурма, начинают оставлять редюит, сбегая вниз, подполковник Бутусов приказал поручику Лоздовскому со Сводной ротой немедленно занять гребень соседней высоты, так называемой Большой или Высокой горы, и редюит, где помещалась 4-х орудийная батарея (из пушек Барановского).

Скат, по которому роте пришлось взбираться, был очень крутой, а после небольшого дождя — скользкий; люди взбирались, падали, осыпаемые шрапнелью и ружейными пулями, и, наконец, достигли вершины.

Во время боя поручик Лоздовский заметил, что самая высшая точка на левом фланге Семафорных гор не была занята стрелками и что туда, поодиночке, перебежали японцы.

По приказанию поручика Лоздовского, для выбития с указанной вершины засевших там уже неприятельских стрелков, которые открыли огонь, расстреливая 1-й взвод Сводной роты, было послано 10 человек из числа вызвавшихся.

Эти люди, вскарабкавшись на высоту с противоположной стороны, штыками выбили засевших японцев и открыли огонь по неприятельским колоннам, сосредоточенных у подножья Высокой горы для штурма редюита.

В это время, ввиду больших потерь в Сводной роте, была выдвинута на помощь и 36-я рота под командою штабс-ротмистра Бирюлькина; эти роты и удерживали перевал до двух часов дня, несмотря на отчаянные атаки японцев и на понесённые ими большие потери.

Ввиду того, что прочие стрелковые роты, получив приказание, отошли с позиций на перевал ещё в 12 часу дня и Заамурцы, обойдённые с обоих флангов неприятелем, ещё два часа продолжали отбивать его атаки, нанося ему большие потери, подполковником Петруша³⁴ (заменившим временно заболевшего полковника Семёнова) в 2 часа дня было приказано Заамурцам отойти за кумирню в Лунвантанской долине, куда обе роты и прибыли около 4 часов пополудни.

Своим упорным сопротивлением на Большой горе Сводная и 36 роты дали возможность всем остальным частям отряда отойти без потерь на следующую позицию.

Потери Заамурцев в этот день следующие: в Сводной роте убиты: фельдфебель Немченко, рядовые: Екимов и Козин; ранены: унтер-офи-

цер Ядринцев, Нелюбин, ефрейтора: Прокопенко, Боровик; рядовые: Дамаскин, Борисов, Гандамоев, Снигур, Логвин, Одаренко, Шаймухаметов, Игнатъев, Батригареев, Бутенко, Попков, Малыхин, Коврльский* и контужен рядовой Губерт.

В 36-й роте: убиты: унтер-офицер Поппель; рядовые Кондратьев, Бикетов, Чайковский; ранены: фельдфебель Флинт, ефр. Бураков, Карпенюк, Мицик; рядовые: Боцан, Хурс, Мищенко, Чиж, Потыра, Михайлов, Худас, Неверов, Лисничук, Ярошенко, Шапошников, Филиппов, Кубицкий, Кореневский и Грачаев.

В половине 5 ч., вечером, к ротам, отдохавшим у кумирни, подъехал подполковник Петруша, и, выражая от лица службы особую благодарность Заамурцам за последний бой, снял фуражку и, кланяясь, сказал: «земно Вам кланяюсь, братцы-Пограничники, за Вашу славную, стойкую работу на перевале».

А затем отдал приказание Сводной роте немедленно двинуться на левый фланг Зелёных гор, где были расположены роты капитана 27 Восточно-Сибирского стрелкового полка Пальчевского³⁵.

Там целый день грохотала адская бомбардировка позиций, и генерал Кондратенко опасался за этот фланг.

Занимать окопы эти Заамурцам пришлось под таким убийственным огнём артиллерии, дождём шрапнелей и фугасных шимозных бомб, что, подходя к позиции, казалось, и половина людей роты не достигнет окопов, расположенных на верхушке горы; однако, несмотря на это, люди поодиночке и попарно перебежали на новую позицию, и потерь не было.

Вечером, когда стемнело, прибыла туда и 36-я рота и расположилась на крайнем левом фланге позиции.

Бомбардировка Зелёных гор продолжалась лишь с небольшими промежутками всю ночь, причём японцы обстреливали ночью преимущественно шрапнелью, сосредотачивая огонь на командующей высоте гор и, так называемой, «мёртвой долине».

Этому тяжёлому дню Е.К. Ножин в «Правде о Порт-Артуре» посвящает следующие строки**.

«Роман Исидорович***, сев на одном из уступов перевала, защищаемом от надоевших, как шмели, пуль, спокойно разговаривал, отдавая приказания.

Начальник Штаба, подполковник Науменко³⁶, опустившись на одно колено, записывает отдаваемые приказания.

— Евгений Николаевич, повторите полковнику Семёнову, чтобы он немедленно поддержал Бутусова.

* Так в тексте. (Примеч. сост.)

** См. ч. 1 стр. 335, 336, 338, 339, 346. (Примеч. док.)

*** Генерал Кондратенко. (Примеч. док.)

— Слушаюсь, — и наклоняется над записной книжкой.

— Ваше превосходительство, начальник отряда полковник Семёнов приказал доложить, что подполковнику Бутусову дважды послана поддержка; резервы на исходе, — отрапортовал вольноопределяющийся Загоровский.

— Вольноопределяющийся Загоровский, передайте полковнику Семёнову, чтобы немедленно сюда был выслан на полных рысях взвод батареи Петренко³⁷.

— Для японцев на перевале и редюите будет неприятная неожиданность и облегчит Бутусова.

Не успел генерал кончить своего предположения — влетает со стороны Большого перевал конный охотник.

— Ваше Превосходительство, их Высокородие подполковник Бутусов приказали доложить, что им очень трудно держаться.

— Японца много лезет. В упор стреляют.

— Передай, что поддержка идёт. Пусть держится до последней крайности. Спасибо за службу.

— Рад стараться.

— Ну, марш, марш.

— Слушаюсь.

— Эти Пограничники положительно все герои.

— Какая стойкость. Какая дисциплинировка.

— Я знаю, Бутусов умрёт, но не отойдёт без приказа.

— А, а, вот и наш начальник отряда.

Полковник Семёнов, слегка прихрамывая, бодро взбирался на кручу.

— Ваше Превосходительство, у меня общий резерв подходит к концу, придётся делать маленькую перетасовку.

— Прекрасно, я сам об этом думал, Владимир Фёдорович.

— А Пограничники-то наши. Не отдают Высокую гору.

— Посмотрите, что там творится — молодцы, прелесть, гордость наша.

— Да, Ваше Превосходительство, Бутусов без приказа не отойдёт — это сила.

Спустились в долину. Сели на коней. Обгоняя раненых, буквально для каждого Кондратенко находил ласковое слово, ободряющее слово. Никого он не пропустил.

— О, если бы вы видели, как благодарно смотрели на него раненые.

— Евгений Николаевич, Вы записали фамилию сильно израненного Пограничника, отказавшегося от посторонней помощи на том основании, что, мол, есть «тяжёлые».

— Что за молодец. Когда я с ним разговаривал, он еле стоял, но крепился, а потом, пройдя несколько шагов, упал.

— Вот здесь, здесь сказываются люди.

— Помните его фамилию. А Вы не помните, — обратился ко мне Кондратенко.

— Лев Ядринцев, Ваше Превосходительство, унтер-офицер 21 роты Пограничной стражи, — наконец ответил Науменко, порывшись в записной книжке.

Все долины, скаты чернели от массы трупов.

В 7 часов получилось донесение, что Высокая гора окончательно опять в наших руках.

Редюит в руках врага.

Этим мы, безусловно, обязаны Бутусову.

Отойди он утром — Высокой горы нам больше не взять.

— Какие молодцы Пограничники.

— Да, Ваше Превосходительство, Бутусов умрёт, но без приказа не оставит вверенной ему защиты, — подтвердил Семёнов (обращаясь к генералу Кондратенко).

— Нужно Пограничников сменить. Сейчас же пошлите на смену две роты из резерва».

14 июля с 4 часов утра, т.е. с рассветом, бомбардировка, кипевшая всю ночь, превратилась в непрерывную канонаду.

Залпы шимозных бомб буквально изрывали весь скат горы, а все ложины и закрытия поливались шрапнельным дождём.

Ввиду того, что японцы к окопам прекрасно пристреливались, и во избежание напрасных потерь от огня поручик Лоздовский приказал одному взводу остаться в окопах для наблюдения за неприятелем, а остальным людям спуститься несколько ниже под прикрытие каменного откоса, как это практиковалось и раньше во время сильных бомбардировок японскими шимозами.

Распоряжение это было сделано весьма кстати и вовремя, так как спустя не более 2 минут в окоп ударил сразу целый сноп фугасных бомб, который совершенно смел бруствер окопов и уничтожил все закрытия.

Второй залп ударил в следующий окоп, где находились наблюдающие нижние чины, и здесь было убито 6 человек и ранено 6 человек.

Убитые были засыпаны наполовину землёй и завалены камнями и ветвями, маскировавшими окоп.

Все попытки вытащить из-под земли и камней трупы убитых и предать земле оказались тщетными, и пытавшиеся также были переранены.

Зная по опыту, что вслед за бомбардировкой японцы бросаются на штурм, люди всё время были наготове и ожидали момента. Когда артиллерийская стрельба прекратилась, Сводная рота заняла разрушенные окопы, наскоро поправив бруствера — но штурма всё не было.

Изредка лишь с правого фланга раздавались одиночные ружейные выстрелы.

Наступившая тишина казалась подозрительной и неприятно действовала на нервы.

Часов около 10 вечера со стороны деревни Литангоу, где были расположены резервы, раздалось «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ», затем — «УРА» и марш полкового оркестра, затем — опять «УРА» и т.д.

Это генерал Стессель приказал торжествовать победу над японцами и поздравил войска с успешным боем...

Впрочем, торжество было преждевременным.

Едва затихли последние звуки марша, как выстрелы, раздавшиеся с правого фланга, участились и над головами Заамурцев стали свистеть пули.

Одновременно послышался громкий говор как бы спор, и, наконец, с самой вершины командующей высоты раздались крики «БАНЗАЙ», и резкие сигналы на рожках.

Через несколько минут выстрелы ещё более участились, а снизу, из лощины, стали раздаваться команды и ружейные залпы.

Наконец выяснилось, что роты 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (8-я и 12-я), назначенные на усиление участка капитана Пальчевского, с наступлением темноты не заняли указанных им позиций на правом фланге (на высоте), а находились внизу по небольшому косогору.

Воспользовавшись общим переполохом по случаю музыки и криков «УРА», японцы, сначала поодиночке, а затем целыми взводами и отделениями, заняли беспрепятственно гребень высоты и, сосредоточив на ней несколько пулемётов, открыли с фланга и в тыл наших позиций убийственный огонь.

Все попытки начальника участка отбросить контратакой противника окончились полной неудачей, и сам капитан Пальчевский во время одной контратаки был смертельно ранен пулей в живот.

После него командование участком принял подполковник Бутусов, отправившийся немедленно на правый фланг для выяснения обстановки.

Там, вследствие полученного от начальника передовых позиций приказа, им было приказано 8-й и 12-й ротам 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка выбить японцев, занять свои позиции.

Видя полную невозможность этими частями отбросить японцев, подполковник Бутусов послал приказание 36-й роте, находившейся на левом фланге, перейти на правый и сбить неприятеля.

Между тем секреты Сводной роты, находившиеся внизу, открыли наступление японцев на центр позиции, занимаемой Сводной ротой Заамурцев.

Японцы, очевидно полагая, что и центр также занят, как и правый фланг, доставшийся им очень легко, шли густыми цепями, поднимаясь уже на скат высоты, занятой Заамурцами.

При довольно тусклом свете луны видны были их тёмные массы, сверкающие своими штыками.

Люди роты волновались; все вылезли из окопов и притаились на брустверах, сжимая винтовки...

Японцы всё ближе и ближе... вот они уже не далее 250—300 шагов.

Поручик Лоздовский скомандовал вполголоса: «залпы по полуротно, пулемёты».

Произошло что-то невообразимое; с первого залпа половина этой массы легла, а остальная часть повернула назад, расстреливаемая следующими залпами и пулемётным огнём.

Дорого обошлось (так в документе. — *Сост.*) японцам атака центра позиции, занятого Заамурцами.

В течение ночи они четыре раза пытались прорвать центр, который днём так жестоко громили своими шимозами, бросались на штурм, но всякий раз были отбрасываемы одним огнём, не доходя до штыков, и с большими потерями отходили.

Около половины четвёртого часа утра 36-я рота, прибывшая с левого фланга, вместе с штабс-ротмистром Бирюлькиным бросилась в атаку на неприятеля, открывшего убийственный огонь из пулемётов; при первых же выстрелах были убиты: штабс-ротмистр Бирюлькин пулей в лоб и унтер-офицер Зуев, как раз в то время, когда получено было приказание отступить со всех позиций.

Тело убитого штабс-ротмистра Бирюлькина подобрать и унести не было возможности, так как пытавшиеся были также перебиты и переранены.

Потери Заамурцев за 14 июля были следующие. В Сводной роте убиты рядовые Антропов, Михайленко, Козак, Кульмаков, Гузейко, Марар, Втела; ранены рядовые Монекин, Ерёменко, Еригин, Вылозловский, Андреевский, Топольский и Бабашкин.

В 36-й роте убиты штабс-ротмистр Бирюлькин, унтер-офицер Зуев, ранен рядовой Дементьев.

14 же июля во время артиллерийского боя на позиции капитана Пальчевского осколком разорвавшейся невдалеке шимозы задело поручика Лоздовского по левой ноге, ниже коленной чашки, причинив незначительную рану.

Перевязав ногу, поручик Лоздовский оставался в строю. <...>

На подполковника Бутусова смерть его помощника произвела глубокое впечатление.

Отступая с отрядом к Артуру, отступая с боем, после страшного переутомления трёхдневным боем, он посылает ещё с пути письмо в редакцию и просит почтить им память погибшего товарища.

Вот что мы читали на следующий день.

«Памяти штабс-ротмистра Пограничной Стражи Александра Мефодиевича Бирюлькина, убитого при штурме участка Зелёных гор, занятых японцами в 2 часа ночи.

«Вечная память, друг и товарищ, скромный, тихий, сердечный и незлобивый. В твоём золотом сердце было столько горячей любви к своему ближнему и меньшему брату-солдату. Всему находил ты прощение и во всём видел только хорошие стороны.

Часто любовались мы в разгар боя на твою фигуру в накидке, бесстрашно ходившую в аде шрапнелей и пуль. Не слышно было от тебя хвастливых речей, а само молчание говорило о высоте исполненного тобой долга. Так и теперь ты погиб, исполняя свято свой долг. Честь и слава тебе. Товарищи и сослуживцы оплакивают и скорбят всей душой.

Бутусов».

15 июля при отступлении в Сводной роте были ранены: ун.-оф. Балицкий, ряд. Бранкован, Ивансюк, Третьяков, Ильин, Петренко, Габайдулин.

В 36-й роте — убит рядовой Филиппов, ранены ряд. Чабан и Мотузок.

Общее число потерь за три дня в обеих ротах выразилось числом: 1 офицер и 15 нижних чинов убитыми и 1 офицер, 55 нижних чинов ранеными.

Задерживаясь несколько часов ещё на позиции у дер. Литангоу, где роты обстреливала японская горная артиллерия и пулемёты, Заамурцы дали этим возможность другим войскам отойти в порядке.

При отходе Заамурцы стали отступать с позиции, рассыпав цепи и имея позади себя свою кавалерию, состоявшую из 14 человек конных нижних чинов 42-й сотни.

Этот разезд прикрыл отступление, имея задачу своевременное уведомление в случае преследования неприятельской кавалерии.

Во время отступления под сильным артиллерийским огнём был ранен в левую руку и контужен в левый бок осколком гранаты подполковник Бутусов, который и поступил на излечение в Мариинскую Общину Красного Креста.

У деревни Дагушан роты остановились для получения приказаний.

Приняли Заамурцев здесь с распростёртыми объятиями и стали спрашивать о подробностях трёхдневного боя.

Особенно сильно интересовались работой Заамурцев генерал Смирнов³⁸, начальник штаба крепости подполковник Хвостов³⁹ и др.

Результатом этих трёхдневных боёв был отход гарнизона за линию долговременных укреплений.

Общие потери гарнизона за эти дни: убитыми и ранеными 7 офицеров и 2066 нижних чинов.

Потери японцев около 4000 человек.

В Артур Заамурцы вступили в очень грустном настроении; хотя и непобеждённые, но уступившие численности неприятеля, превосходству его артиллерии, пулемётов, тактики и энергии, они всё-таки не теряли надежды уже здесь, под стенами крепости, дать врагу надлежащий отпор и отстоять ставший дорогим для всех Артур. <...>

- ¹ Гальнский Семён Степанович (05.04.1865—?). Сын обер-офицера. Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. Ротмистр (18.04.1899).
- ² Агафонов Кронид Кронидович (18.09.1906—не ранее 1927). Окончил кавалерийское юнкерское училище. Подполковник (18.09.1906), полковник (06.05.1914). В 1906—1910 гг. — делопроизводитель и заведующий архивом Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. После 1917 г. остался в СССР.
- ³ Сиротко Варфоломей Фёдорович (24.08.1867—?). Из крестьян. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище. Поручик (22.04.1899). Во время обороны Порт-Артура — командующий полуротой 53-й роты Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.
- ⁴ Яковицкий Александр Поликарпович (22.05.1862—не ранее 01.05.1914). Сын статского советника, из дворян. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. Штабс-ротмистр (06.05.1900), ротмистр (06.12.1904), подполковник (12.10.1907). Во время обороны Порт-Артура — командующий полуротой 23-й роты Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.
- ⁵ Бутусов Пётр Дмитриевич (03.10.1860—23.11.1904). Из цеховых г. Москвы. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. Капитан (30.05.1900), ротмистр (13.07.1901), подполковник (28.03.1904). Во время обороны Порт-Артура — командир 36-й роты и помощник начальника 8-го линейного отряда Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Смертельно ранен в бою. Первый кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (15.10.1904) среди российских пограничников.
- ⁶ Лоздовский Цезарий Иванович (27.09.1874—не ранее 01.05.1914). Из мещан Виленской губернии. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Институт восточных языков. Подпоручик (10.04.1900), корнет (01.10.1902), поручик (28.03.1904), штабс-ротмистр (12.10.1907), ротмистр (06.12.1908), капитан (01.04.1910). Во время обороны Порт-Артура — младший офицер 36-й роты Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.
- ⁷ Кузьменко Иван Сергеевич (16.06.1871 — не ранее 01.05.1914). Из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Штабс-капитан (20.04.1902), штабс-ротмистр (20.04.1902), ротмистр (02.04.1907), капитан (01.04.1910). Во время обороны Порт-Артура — начальник 7-го отделения полицейского надзора КВЖД.
- ⁸ Андреевский Михаил Александрович (06.09.1875—не ранее 1923). Сын поручика. Окончил Павловское военное училище. Штабс-капитан (14.10.1901), капитан (05.05.1906), подполковник (06.05.1914), полковник (12.05.1915), генерал-майор с увольнением от службы (02.10.1917). Во время обороны Порт-Артура — начальник конно-охотничьей команды и командующий 2-й ротой 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Кавалер Георгиевского оружия (05.05.1915).
- ⁹ Фок Александр Викторович (23.08.1843—02.12.1926). Из дворян Оренбургской губернии. Окончил Константиновское военное училище. Генерал-майор (17.07.1900), генерал-лейтенант (21.08.1904). Во время обороны Порт-Артура — начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, начальник сухопутной обороны крепости. 28.11.1907 предан суду за сдачу крепости Порт-Артур. 07.02.1908 судом вынесен выговор. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Умер в эмиграции. Кавалер ордена Святого Георгия 3-й (14.08.1904) и 4-й (04.08.1877) степеней и Золотого оружия (18.08.1901) и Золотого оружия с бриллиантами (04.01.1905).
- ¹⁰ Романовский Николай Александрович (01.09.1860—03.06.1928). Из дворян Полтавской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Подполковник (31.01.1901), полковник (22.03.1905), генерал-майор (03.06.1911), генерал-лейтенант (15.08.1915). Во время обороны Порт-Артура — командир 3-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, начальник артиллерии Западного и Северного фронтов обороны крепости. В годы Гражданской

- войны служил в армии Украинской Державы. Умер в эмиграции. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (24.10.1904) и Золотого оружия (18.01.1906).
- ¹¹ Бирюлькин Александр Мефодьевич (25.08.1867—15.07.1904). Из дворян Терского казачьего войска. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. Штабс-ротмистр (06.12.1902). Во время обороны Порт-Артура — младший офицер 36-й роты Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Убит в бою.
- ¹² Баум Александр Робертович (27.12.1871—25.02.1917). Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. Штабс-капитан (12.08.1903), капитан (04.01.1905), подполковник (31.08.1911). Во время обороны Порт-Артура — бригадный адъютант 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады и начальник штаба Западного фронта сухопутной обороны. Умер от инфаркта на Румынском фронте. Кавалер Золотого оружия (18.01.1906).
- ¹³ Ирман (Ирманов) Владимир Александрович (18.10.1852—27.09.1931). Сын генерал-майора, из дворян Терской области. Окончил Александровское военное училище. Полковник (25.02.1900), генерал-майор (22.10.1904), генерал-лейтенант (13.07.1908), генерал от артиллерии (06.12.1914). Во время обороны Порт-Артура — командир 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, начальник отряда Западного фронта сухопутной обороны крепости. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Умер в эмиграции. Кавалер орденов Святого Георгия 3-й (04.01.1905) и 4-й (30.09.1904) степеней, Золотого оружия (20.12.1901) и Георгиевского оружия с бриллиантами (04.11.1914).
- ¹⁴ Стессель Анатолий Михайлович (28.06.1848—1915). Из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Павловское военное училище. Генерал-лейтенант (24.04.1901), генерал-адъютант (11.08.1904). Во время обороны Порт-Артура — начальник Квантунского укрепленного района (номинально занимал должность командира 3-го Сибирского армейского корпуса). Уволен от службы по болезни (30.09.1906). 28.11.1907 предан суду за сдачу крепости Порт-Артур. 07.02.1908 приговорён к смертной казни. 04.03.1908 смертная казнь заменена на 10-летние заключение с исключением из службы и лишением чинов и орденов. 07.03.1908 заключён в Петропавловскую крепость, но уже через год освобождён «по монаршему милосердию». Кавалер ордена Святого Георгия 3-й (14.08.1904) и 4-й (08.07.1900) степеней.
- ¹⁵ Ножин Евгений Константинович (1874—1942). Журналист, корреспондент порт-артурской газеты «Новый край». Во время обороны Порт-Артура вступил в конфликт с генералом А.М. Стесселем. После 1917 г. стал священником. Умер в эмиграции. Автор книги «Правда о Порт-Артуре».
- ¹⁶ Лапэров (Лаперов) Иван Николаевич (06.04.1855—не ранее 07.05.1913). Окончил Константиновское военное училище. Подполковник (04.10.1903), полковник (22.03.1905), генерал-майор с увольнением в отставку (07.05.1913). Во время обороны Порт-Артура — командир 2-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Кавалер Золотого оружия (18.03.1907).
- ¹⁷ Кондратенко Роман Исидорович (30.09.1857—02.12.1904). Из дворян г. Тифлиса. Окончил Николаевское инженерное училище, Николаевскую инженерную академию и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор (23.06.1901), генерал-лейтенант (1905, посмертно). Во время обороны Порт-Артура — начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и начальник сухопутной обороны крепости. Убит во время артиллерийского обстрела. Впоследствии объявлен «душой обороны Порт-Артура». Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (30.09.1904).
- ¹⁸ Соломонов Константин Маркович (14.08.1876—03.07.1938). Из дворян. Окончил военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища и Николаевскую академию Генерального штаба. Поручик (28.08.1900), штабс-капитан (01.09.1906), капитан (25.09.1910). Во время обороны Порт-Артура — поручик Квантунской крепостной артиллерии. В 1913 г. уволен со службы. Во время Первой мировой войны — военный корреспондент. Умер в эмиграции. Кавалер Золотого оружия (04.01.1905).

- 19 Надеин Митрофан Александрович (20.11.1839—01.01.1908). Из дворян Херсонской губернии. Образование получил на службе. Генерал-майор (26.11.1902), генерал-лейтенант (22.10.1904). Во время обороны Порт-Артура — командир 2-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, комендант Позиции Кинчжоу, начальник западного передового отряда, начальник Восточного фронта сухопутной обороны крепости, командующий 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией. Кавалер орденов Святого Георгия 3-й (27.01.1905) и 4-й (27.02.1878) степеней и Золотого оружия (05.07.1878).
- 20 Семёнов Владимир Григорьевич (01.07.1857—24.08.1908). Из дворян Тобольской губернии. Окончил Константиновское военное училище. Полковник (06.12.1899), флигель-адъютант (11.08.1904), генерал-майор (27.01.1905), генерал-майор Свиты его императорского величества (20.03.1906). Во время обороны Порт-Артура — командир 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, также командовал сводным отрядом. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (13.02.1905) и Золотого оружия (24.10.1904).
- 21 Иолшин Александр Михайлович (05.06.1869—01.11.1904). Из дворян Минской губернии. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию генерального штаба. Подполковник Генерального штаба (1903). Во время обороны Порт-Артура — штаб-офицер для особых поручений при штабе Квантунского укрепленного района и начальник штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Смертельно ранен во время артиллерийского обстрела. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (24.10.1904).
- 22 Киленин Николай Александрович (21.12.1860—18.06.1926). Из потомственных почётных граждан. Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Подполковник (13.04.1897), полковник (14.06.1910), генерал-майор (12.10.1916). Во время обороны Порт-Артура — командир батальона 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, также командовал сводным отрядом. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Умер в эмиграции. Кавалер Золотого оружия (18.03.1907).
- 23 Шишко Яков Устинович (24.07.1855—не ранее 1913). Из потомственных дворян Минской губ. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. Подполковник (26.02.1904). Во время обороны Порт-Артура — командующий 1-м и 2-м батальонами 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и комендант города Порт-Артур.
- 24 Аверьянов Василий Иванович (27.02.1860—не ранее 1914). Сын капитана. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. Капитан (15.04.1898), подполковник (05.09.1907), полковник (07.02.1911). Во время обороны Порт-Артура — командир 4-й роты, заведующий хозяйством и командующий 1-м батальоном 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.
- 25 Бицоев Николай Константинович (15.10.1875—31.05.1904). Из осетин Терской области. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Поручик (01.07.1902). Во время обороны Порт-Артура — младший офицер охотничьей команды 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Убит в бою.
- 26 Злобинский Яков Абрамович (29.01.1876—31.05.1904). Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Во время обороны Порт-Артура — адъютант 2-го батальона 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Смертельно ранен в бою.
- 27 Диатроптов Алексей (?—?). Во время обороны Порт-Артура — прапорщик 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.
- 28 Волченский Лев Иванович (08.02.1867—не ранее 09.05.1930). Сын священника. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище. Поручик (15.04.1903), штабс-капитан (20.11.1907). Во время обороны Порт-Артура — начальник 2-й пехотной охотничьей команды 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. После 1917 г. остался в СССР и стал священнослужителем. В 1930 г. арестован и сослан.

- ²⁹ Лопатин Василий Константинович (?—09.09.1904). Капитан. Во время обороны Порт-Артура — командир 10-й роты 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Предан суду за неисполнение приказа начальства в боевой обстановке. Приговорён к лишению всех прав и отдаче в арестантские роты на два года. Умер от инфаркта вскоре после приговора.
- ³⁰ Либис Михаил Семёнович (23.09.1868—не ранее 09.11.1914). Из купцов Тверской губернии. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Штабс-капитан (24.09.1900), капитан (25.05.1906). Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (11.03.1915) и Золотого оружия (1906).
- ³¹ Достовалов Михаил Исаакович (03.11.1863—02.05.1914). Сын статского советника. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Капитан (24.02.1896), подполковник (21.06.1904), полковник (06.12.1908). Во время обороны Порт-Артура — исполняющий должность крепостного интенданта крепости Порт-Артур.
- ³² Елизавета Маврикиевна (25.01.1865—07.04.1927), великая княгиня. Урождённая принцесса Елизавета-Августа-Мария-Агнеса Саксен-Альтенбургская. Жена великого князя Константина Константиновича. Умерла в эмиграции.
- ³³ Галицинский Александр Васильевич (1857—18.09.1907). Подполковник (26.02.1898). Во время обороны Порт-Артура — командир батальона 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, командующий сводным отрядом и начальник боевого участка Западного фронта сухопутной обороны. Умер от паралича мозга.
- ³⁴ Петруша Николай Андреевич (08.05.1857—21.12.1920). Сын личного дворянина. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище. Подполковник (26.02.1892), полковник (20.05.1904), генерал-майор (08.09.1916). Во время обороны Порт-Артура — командующий 27-м Восточно-Сибирским стрелковым полком и начальник 2-го отдела Западного фронта обороны крепости. Расстрелян красными. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (24.10.1904) и Золотого оружия (27.10.1905).
- ³⁵ Пальчевский Иван Казимирович (1859—16.07.1904). Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище. Капитан (15.03.1897). Во время обороны Порт-Артура — командир роты и сводного отряда 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Смертельно ранен в бою.
- ³⁶ Науменко Евгений Николаевич (21.08.1869—02.12.1904). Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Подполковник Генерального штаба (06.12.1900). Во время обороны Порт-Артура — начальник штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и командующий 28-м Восточно-Сибирским стрелковым полком. Убит в бою.
- ³⁷ Петренко Александр Евстафьевич (13.08.1870 — не ранее мая 1923). Окончил Александровское военное училище. Капитан (26.02.1901), подполковник (13.06.1904), полковник. Во время обороны Порт-Артура — командир 57-мм нештатной батареи. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Остался в СССР. В мае 1923 г. приговорён к расстрелу. Кавалер Георгиевского оружия (17.05.1915).
- ³⁸ Смирнов Константин Николаевич (19.05.1854—09.11.1930). Из потомственных дворян Минской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант (02.02.1904). Во время обороны Порт-Артура — комендант крепости. 28.11.1907 предан суду за сдачу крепости Порт-Артур. 07.02.1908 оправдан. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении. Умер в эмиграции.
- ³⁹ Хвостов Александр Михайлович (27.01.1867—не ранее 05.03.1919). Из дворян. Окончил военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища и Николаевскую академию Генерального штаба. Подполковник (01.01.1901), полковник (06.12.1904), генерал-майор (23.06.1913), генерал-лейтенант (01.07.1917). Во время обороны Порт-Артура — исполняющий должность начальника штаба крепости. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени (07.12.1915, утверждён 25.06.1916) и Золотого оружия (23.10.1905).